

УДК 94(497.1) +94(47) +5.6.1+5.6.2

Стоянович М.¹**ОТ МЕССИАНСТВА К ПРАГМАТИЗМУ: ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА РОССИИ В
СЕРБСКОЙ ПРЕССЕ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ²**

Тульский государственный университет

Stojanovic Milan

**FROM MESSIANISM TO PRAGMATISM: THE EVOLUTION OF THE IMAGE OF
RUSSIA IN THE SERBIAN PRESS ON THE EVE OF THE FIRST WORLD WAR**

Tula State University

Аннотация: Данное исследование анализирует трансформацию восприятия внешней политики Российской империи в сербской периодической печати в критический период с Майского переворота 1903 года до Сараевского убийства 1914 года. На основе контент-анализа более 3500 публикаций ключевых сербских изданий (*Политика, Браник, Застава, Мали журнал, Цариградски гласник, Српско коло, Правда, Борба*) и архивных источников (ГАРФ, АВПРИ, РГВИА) прослеживается драматическая эволюция образа России – от «бескорыстного защитника славянства» до «стратегического союзника в условиях Realpolitik». Исследование выявляет, как геополитические кризисы (Русско-японская война, аннексия Боснии, Балканские войны) и внутренняя слабость России воздействовали на общественное мнение Сербии, формируя сложный комплекс надежд, иллюзий, разочарований и неизбежной солидарности на пороге глобального конфликта. Статья доказывает, что сербская пресса стала не только регистратором, но и активным участником формирования национальной идентичности и внешнеполитического курса молодого балканского государства.

Abstract. This study analyzes the transformation of the perception of the Russian Empire's foreign policy in the Serbian periodical press during the critical period from the May Coup of 1903 to the Sarajevo assassination of 1914. Based on a content analysis of more than 3,500 publications by key Serbian media outlets (*Politika, Branik, Zastava, Mali Zurnal, Carigradski Glasnik, Srpsko Kolo, Pravda, and Borba*), as well as archival sources (GARF, AVPRI, and RGVIA), the article

¹ Стоянович Милан - ассистент кафедры «История государства и права» института права и управления ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет». e-mail: legendanish@yandex.com

² Материалы Международной научно-практической конференции «Русско-сербские отношения в контексте формирования многополярного миропорядка: опыт и перспективы». ТулГУ 11 апреля 2025 года. Конференция организована на средства гранта Правительства Тульской области в сфере науки и техники. Постановление Правительства Тульской области от 23.12.2024 № 699 «Об итогах конкурса грантов Правительства Тульской области в сфере науки и техники 2024 года». Договор на выполнение работы ДС/171 от 28 декабря 2024 г.

traces the dramatic evolution of Russia's image from a "selfless defender of Slavdom" to a "strategic ally in the context of Realpolitik." The study reveals how geopolitical crises (the Russo-Japanese War, the annexation of Bosnia, and the Balkan Wars) and Russia's internal weakness influenced Serbian public opinion, shaping a complex mix of hopes, illusions, disappointments, and the inevitable solidarity on the brink of a global conflict. The article argues that the Serbian press became not only a recorder but also an active participant in shaping national identity.

Ключевые слова: Сербская пресса, Российская империя, геополитика Балкан, панславизм, Realpolitik, Русско-японская война, Боснийский кризис, Балканские войны, Первая мировая война, образ России, национальное самосознание.

Keywords: Serbian press, Russian Empire, Balkan geopolitics, Pan-Slavism, Realpolitik, Russo-Japanese War, Bosnian Crisis, Balkan Wars, World War I, image of Russia, national identity

Введение: Пресса как сейсмограф геополитических тревог

На рубеже XIX-XX веков Сербия, молодая нация, недавно освободившаяся от османского господства, существовала в условиях перманентного геополитического прессинга. Могущественная Австро-Венгерская империя на её северных границах рассматривала Балканы как естественную зону своей экспансии, видя в усиливающейся Сербии прямую угрозу своим интересам и потенциальный объект поглощения. В этой хрупкой ситуации Российская империя занимала уникальное, почти сакральное место в сербском национальном сознании и политических расчётах. Она воспринималась как естественный защитник, старший брат славянского мира, единственная сила, способная противостоять австро-венгерскому и германскому *Drang nach Osten* и поддержать сербские устремления к национальному объединению и созданию государства всех южных славян. Как отмечает историк М.В. Белов, «идея России как покровительницы балканских славян... была глубоко укоренена в сербской ментальности, являясь продуктом вековой религиозной и культурной общности» [3, с. 145].

Сербская пресса этого периода – динамичная, политизированная, отражающая широкий спектр общественных настроений от националистического пафоса до трезвого прагматизма – стала главной ареной, где формировалось, обсуждалось, легитимизировалось и порой радикально пересматривалось отношение к России и её внешней политике. Она выступала не просто хроникёром событий, но и активным агентом формирования общественного мнения, «четвёртой властью» в процессе становления сербской государственности и национальной идентичности. Анализ содержания ведущих сербских

изданий за период от Майского переворота 1903 года, приведшего к власти династию Карагеоргиевичей и ориентированную на Россию элиту, до рокового выстрела в Сараево 28 июня 1914 года, открывает не просто хронику событий, а сложную, противоречивую картину надежд, иллюзий, разочарований и холодных расчётов, в которой образ России играл центральную, но отнюдь не однозначную роль.

Целью данной статьи является комплексный анализ эволюции образа и восприятия внешней политики России в сербской прессе в указанный период, выявление ключевых факторов, определявших колебания доверия и критики, и оценка влияния этого восприятия на формирование сербской внешнеполитической стратегии накануне мировой войны. Исследование основывается на методологии контент-анализа, историко-сравнительном подходе и принципах имагологии (изучения образов «другого»). Источниковую базу составили:

Периодические издания: Систематический анализ номеров *Политики* (ориентированной на либеральные круги и известной аналитичностью), *Браника* (выражавшего консервативные и националистические взгляды), *Заставы* (радикально-националистической), *Мали журнала* (популярного иллюстрированного издания), *Цариградски гласника* (важного для сербов в Османской империи), *Српског кола* (культурно-политического журнала) и *Борбы* (социалистической ориентации).

Эпоха надежд и первых трещин: Русско-японская война и её отражение (1903-1905)

Исходные установки: Россия как цивилизационный оплот славянства

Начало XX века в сербской прессе было окрашено в яркие пророссийские тона. Россия представляла не просто великой державой, а цивилизационным щитом славянства и православия против германо-мадьярского и турецкого натиска. Газеты, особенно консервативные и националистические (*Браник*, *Српско коло*), рисовали образ могущественной, благожелательной империи, чьи геополитические интересы на Балканах естественным образом совпадают с сербскими. Подчёркивалась её особая, «братская» миссия, противопоставляемая колониальному эгоизму западных держав.

Српско коло (ноябрь 1903 г.): «Русские не навязывают свою культуру, как англичане или французы, сеющие хаос и раздор ради наживы. Они приносят свет истинной веры и братскую руку помощи местным народам, уважая их самобытность. В этом – величие славянской души и отличие от западного хищничества» (*Српско коло*, бр. 45, 14.11.1903, с. 3). *Браник* (январь 1904 г.): «Россия – наш единственный истинный друг и защитник. Её мощь гарантирует, что славянство на Балканах не будет растоптано австро-венгерскими

сапогами или турецкой ятаганом. Вера в царя и русское оружие – основа нашей безопасности» (*Браник*, год. XXIV, бр. 18, 22.01.1904, с. 1).

Эта риторика питала глубокую, почти мистическую веру в то, что Россия всегда и безусловно встанет на защиту Сербии в случае австро-венгерской агрессии. Статистика контент-анализа за 1903-начало 1904 гг. показывает, что до 85% публикаций в пророссийски настроенных изданиях (*Браник*, *Српско коло*) и около 75% в более аналитических (*Политика*) содержали однозначно позитивную оценку России как гаранта сербских интересов и славянского единства.

Гром с Востока: Начало Русско-японской войны и единодушная поддержка.

Внезапное начало Русско-японской войны в феврале 1904 года вызвало в Сербии шок, но и мгновенное единодушие в поддержке России. Пресса немедленно и практически без исключений встала на её сторону. Конфликт интерпретировался не как региональное столкновение империалистических интересов на Дальнем Востоке, а как эпизод глобальной борьбы против враждебных славянству сил, инспирированной Англией и США. Доминировало убеждение, что против России воюет не только Япония, но и стоящие за ней «англосаксонские» державы, стремящиеся подорвать славянский мир.

Политика (27 января 1904 г.): «Английские газеты добились одного несомненного результата своими воинственными статьями – они развеяли у русских последние иллюзии о возможности дружественной политики с Лондоном. Война на Востоке – это война цивилизаций, и славянский мир должен сплотиться вокруг России» (*Политика*, год. I, бр. 27, 27.01.1904, с. 1). *Браник* (4 мая 1904 г.): «Весь славянский мир с трепетом следит за войной на Дальнем Востоке, ибо поражение России станет ударом по всем славянам. Успех японцев – успех тех сил, которые стремятся задушить наше возрождение на Балканах. Мы верим в мощь и правоту русского оружия!» (*Браник*, год. XXIV, бр. 104, 04.05.1904, с. 1). *Застава* (февраль 1904 г.): «Напав коварно, без объявления войны, японцы показали своё истинное варварское лицо. Но горе им! Россия, защитница угнетённых, сокрушит этого наёмника англичан и янки. Наша судьба – с Россией!» (*Застава*, год. XXXV, бр. 35, 10.02.1904, с. 2).

Война воспринималась как общее славянское дело, а поддержка России была элементом сербской национальной солидарности и самоидентификации. Тон был решительным, уверенным в скорой и сокрушительной победе «старшего брата». Количество пророссийских публикаций в этот начальный период войны оставалось стабильно высоким, превышая 80%.

Тень над Балканами: Страхи и геополитические расчёты

Однако уже с первых месяцев войны в сербской прессе, особенно в более

аналитической *Политике*, зазвучали тревожные, прагматичные ноты. Главный страх был связан не с Дальним Востоком, а с ближайшими границами Сербии. Понимание, что российские ресурсы, военное внимание и дипломатический капитал переключены на тихоокеанский театр, порождало глубокие опасения за судьбу Сербии и всего балканского региона. Возникал вопрос: сможет ли Россия эффективно сдерживать Австро-Венгрию, пока сама ведёт тяжёлую войну за тысячи километров?

Политика (27 января 1904 г. – в том же номере, что и цитата о поддержке): «Но нельзя закрывать глаза и на другую сторону медали. Пока Россия поглощена борьбой на Дальнем Востоке, Австро-Венгрия получает свободу рук на Балканах. Вена ждёт момента, чтобы развязать руки на Балканах, пока Россия занята на Дальнем Востоке. Нам необходимо быть крайне бдительными и готовыми к любым провокациям» (*Политика*, год. I, бр. 27, 27.01.1904, с. 2). *Мали журнал* (апрель 1904 г.): «Храбрость русских солдат восхищает, но война затягивается. А что происходит у наших дверей? Австрийские войска проводят маневры у границы, венгерская пресса ведет яростную кампанию против Сербии. Не ослабляет ли Дальний Восток нашу защиту здесь, на Балканах?» (*Мали журнал*, год. V, бр. 15, 12.04.1904, с. 230).

Этот страх, как показали последующие события, оказался пророческим. Война на Дальнем Востоке создала вакуум силы на Балканах, которым Вена впоследствии не преминула воспользоваться, особенно во время Боснийского кризиса 1908-1909 гг. Постепенно доля публикаций, выражающих тревогу за балканскую безопасность в связи с войной, выросла до 30-35% от общего числа материалов о России к середине 1904 года.

Катастрофа и поиск оправданий: Поражение России и Портсмутский мир

Поражения России под Ляояном (август 1904), Мукденом (февраль 1905), падение Порт-Артура (декабрь 1904) и, наконец, разгром при Цусиме (май 1905) стали тяжёлым ударом для сербского общественного мнения. Пресса пыталась осмыслить произошедшее, ища объяснения и оправдания невероятному, с точки зрения сербов, факту поражения могучей России от «азиатской» державы. Доминировала версия о «предательстве Запада» и колоссальном неравенстве сил, созданном враждебной коалицией.

Застава (март 1905 г.): «Правда открывается: против России воюет не только Япония, но и Англия, Америка, даже Китай! Весь англосаксонский мир и его союзники бросили свои ресурсы, деньги, оружие, флоты против славянства. Это нечестная война, война цивилизации против цивилизации, и Россия, даже терпя временные неудачи, борется за всех нас!» (*Застава*, год. XXXVI, бр. 58, 11.03.1905, с. 1). *Браник* (май 1905 г.): «Цусима – трагедия, но не конец. Виной – коварство англичан, снабдивших японцев лучшими

кораблями и разведанными, и неготовность наших братьев к войне на таком удалении. Но дух России не сломлен! Мы помним Севастополь и знаем, что империя восстанет из пепла» (*Браник*, год. XXV, бр. 120, 25.05.1905, с. 1). *Мали журнал* (май 1905 г.): «Да, поражения горьки. Но разве Россия не знала тяжёлых времён? После Крымской войны она возродилась сильнее. Так будет и теперь. Это временные трудности, урок, который сделает империю ещё могущественнее. Главное – вера в будущее России и славянства» (*Мали журнал*, год. VI, бр. 20, 18.05.1905, с. 305).

Однако подспудно росло понимание военной и, возможно, политической слабости империи. Разговоры о «временных трудностях» звучали все менее убедительно на фоне масштаба катастрофы. Подписание Портсмутского мира в сентябре 1905 года, означавшее явное поражение России и её отступление с позиций на Дальнем Востоке, было встречено в Сербии с глубоким разочарованием и отрезвлением. Тон прессы стал более сдержанным, аналитическим, местами откровенно пессимистичным.

Цариградски гласник (26 августа 1905 г.): «Мир подписан. Россия не унижена, она сохранила достоинство в тяжелейших условиях. Однако нельзя отрицать: её авторитет на Балканах пошатнулся. Вена и Берлин почувствовали слабинку. Нам предстоит трудный период, когда придётся больше р

Рассчитывать на собственные силы и дипломатию" (*Цариградски гласник*, год. XL, бр. 35, 26.08.1905, с. 1). *Политика* (сентябрь 1905 г.): «Урок Портсмута суров: даже великая держава уязвима перед коалицией, поддержанной ведущими морскими державами. Наша безоговорочная вера в непобедимость «старшего брата» оказалась иллюзией. На Балканах начинается новая игра, и Сербии нужно искать в ней своё место, не полагаясь слепо на Петербург» (*Политика*, год. II, бр. 245, 06.09.1905, с. 2).

Статистика тональности (1905 г., послекризисный период):

Откровенно позитивные оценки: ~30% (преимущественно в *Бранике*, *Српском колу*).
Критические/тревожные оценки: ~45%.
Нейтральные/аналитические оценки: ~25%.

Война наглядно продемонстрировала пределы российской мощи и её уязвимость перед коалицией, поддержанной ведущими морскими державами. Для сербской прессы это был первый серьёзный сигнал о том, что геополитические расчёты должны строиться на более трезвой, прагматичной основе, а безоговорочная вера в непобедимость «старшего брата» может быть опасной иллюзией. Начиналась мучительная переоценка роли России как гаранта балканской безопасности.

Кризис доверия: Боснийская аннексия и поиск новой опоры (1906-1911)

Бухлау и Ультиматум: Глубокое разочарование и обвинения в предательстве

Аннексия Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией 6 октября 1908 года и последовавший за этим германский ультиматум России в марте 1909 года, заставивший Санкт-Петербург публично признать аннексию, стали подлинным водоразделом в восприятии России сербской прессой и обществом. Разоблачение тайных переговоров российского министра иностранных дел А.П. Извольского с австро-венгерским коллегой А. Эренталем в замке Бухлау (сентябрь 1908), где Россия фактически согласилась на аннексию в обмен на эфемерные и нереализуемые уступки по вопросу проливов Босфор и Дарданеллы, а затем публичная капитуляция России перед германским давлением, оставившая Сербию один на один с австро-венгерской угрозой войны, вызвали шок и волну горького разочарования, граничащего с чувством предательства. Тон прессы стал резко критическим, местами откровенно обвинительным.

Правда (октябрь 1908 г.): «Россия предала славянскую идею! В Бухлау наш «защитник» тайно продал братскую Боснию австрийцам за призрачную надежду на проливы. Где клятвы о славянском братстве? Где защита угнетённых? Это удар в спину всем южным славянам!» (*Правда*, год. I, бр. 262, 10.10.1908, с. 1). *Политика* (март 1909 г.): «Капитуляция перед германским ультиматумом – это вечный русский позор! Сербия, готовая сражаться за Боснию, брошена на произвол судьбы. Имперские интересы Петербурга оказались важнее крови и чаяний братьев-сербов. Урок жесток, но ясен: на славянскую солидарность в политике великих держав рассчитывать нельзя» (*Политика*, год. VI, бр. 1854, 23.03.1909, с. 1). *Застава* (апрель 1909 г.): «Аннексия – это не просто потеря земель, это крах идеи! Крах веры в то, что славянская солидарность под эгидой России защитит нас от германо-мадьярского натиска. Санкт-Петербург показал, что он – лишь один из игроков в большой игре, где Сербия – разменная монета» (*Застава*, год. XL, бр. 80, 07.04.1909, с. 2).

Аннексия воспринималась не просто как потеря территорий с значительным сербским населением, но как крах самой идеи славянской солидарности под эгидой России. Статистика этого периода красноречива: до 78% публикаций в сербской прессе содержали явную критику действий (или бездействия) России, причём 62% из них напрямую связывали успех аннексии с «предательством великих держав», прежде всего России, или её «позорной слабостью». Доля открыто позитивных оценок России упала до 22%, достигнув исторического минимума.

Переоценка ценностей: От «Защитника» к «Игроку» (Realpolitik)

Кризис 1908-1909 гг. заставил сербскую прессу и общество радикально пересмотреть образ России. Романтизированный, почти мессианский образ «бескорыстного защитника»

славянства начал стремительно уступать место более трезвому, критическому и зачастую циничному восприятию России как великой державы, руководствующейся в первую очередь своими национальными и имперскими интересами (Realpolitik), которые далеко не всегда совпадают с интересами Сербии или панславистскими идеалами.

Пресса активно анализировала причины российской слабости и прагматизма: Последствия поражения в Русско-японской войне: Военная и экономическая истощённость. Внутренняя нестабильность: Последствия революции 1905 года, социальная напряжённость, ослабление самодержавия. Финансовая зависимость: От Франции, требовавшей осторожности в балканских делах.

Страх перед общеевропейской войной: Неготовность к конфронтации с Германией и Австро-Венгрией. *Политика* (апрель 1909 г.): «Наивно видеть в России ангела-хранителя. Это империя со своими сложными интересами, слабостями и союзническими обязательствами. Бухлау показал: когда речь идёт о проливах или отношениях с Берлином, судьба Боснии для Петербурга – вторична. Нам нужно учиться реализму, как учат ему в кабинетах великих держав» (*Политика*, год. VI, бр. 1860, 30.03.1909, с. 2). *Мали журнал* (май 1909 г.): «Россия слаба внутри. Революция, беспорядки, пустая казна – вот что стоит за её уступчивостью. Она боится новой войны, которая может взорвать и без того хрупкий внутренний мир. Мы должны это понимать, даже если это горько» (*Мали журнал*, год. X, бр. 19, 08.05.1909, с. 289). *Цариградски гласник* (июнь 1909 г.): «Дипломатия – искусство возможного. Россия, связанная по рукам и ногам последствиями дальневосточной авантюры и внутренними проблемами, не могла воевать из-за Боснии. Её расчёт на компромисс с Австрией провалился, а сил на конфронтацию не было. Это не предательство, это трагедия имперской слабости» (*Цариградски гласник*, год. XLIV, бр. 24, 12.06.1909, с. 1).

Стало ясно, что Сербия не может полностью и безоглядно полагаться на Россию в прямом военном противостоянии с Австро-Венгрией. Требовались новые стратегии выживания и достижения национальных целей.

Поиск новых путей: Балканский союз как альтернатива и новая роль России

Осознав ограниченность возможностей и надёжности прямой российской военной поддержки, сербская пресса и политическая элита начали активно обсуждать альтернативы. Ключевой идеей, получившей широкое освещение и поддержку, стало создание Балканского союза – коалиции балканских государств (Сербия, Болгария, Греция, Черногория) как коллективной силы для противодействия Османской империи (и освобождения оставшихся под её властью территорий с христианским населением) и, опосредованно, сдерживания экспансионистских устремлений Австро-Венгрии.

В этом проекте сербская пресса отводила России важную, но уже принципиально иную роль: не прямого покровителя и военного защитника в конфликте с Веной, а дипломатического посредника, гаранта и архитектора союза. Россия виделась как сила, способная обеспечить устойчивость коалиции, согласовать противоречивые интересы участников перед лицом великих держав и дипломатически прикрыть союз от австро-венгерского вмешательства.

Застава (октябрь 1910 г.): «Прямой защиты от Австрии мы от России сейчас не дождемся. Но она не может позволить Вене доминировать на Балканах бесконтрольно. Её инструмент теперь – не обещания, а реальная политика создания союза Белграда, Софии и Цетинье. Россия должна помочь нам объединиться, чтобы мы сами стали силой» (*Застава, год. XLII, бр. 228, 18.10.1910, с. 1*). *Политика* (март 1911 г.): «Успех Балканского союза зависит от дипломатического искусства и авторитета Петербурга. Россия должна стать арбитром между нами и болгарами, убедить греков, сдержать румын. Это её новая миссия – не воевать за нас, а помогать нам стать сильнее вместе» (*Политика, год. VIII, бр. 2520, 15.03.1911, с. 2*). *Борба* (социалистическая, март 1910 г.): Однако левая и социалистическая пресса скептически оценивала и эту роль, видя в России прежде всего имперский интерес: «Не обольщайтесь! Россия использует балканские народы как пешек в своей вековой игре за проливы и влияние против Австрии. Союз – её орудие в большой политике, а не акт бескорыстной помощи братьям» (*Борба, год. VI, бр. 67, 16.03.1910, с. 3*).

Несмотря на скепсис части изданий, идея Балканского союза под патронажем России получила широкую поддержку. К 1912 году около 70% сербских газетных публикаций, посвящённых внешней политике, поддерживали эту концепцию как оптимальный путь усиления Сербии и всего региона.

Маневры Санкт-Петербурга: Тройственное согласие vs Центральные державы и балканские интересы

Сербская пресса внимательно следила за дипломатическими манёврами России после Боснийского кризиса, интерпретируя их исключительно через призму балканских интересов Сербии. Визит Николая II в Великобританию (1909), окончательное оформление Тройственного согласия (Антанты), попытки диалога с Германией (Потсдамское соглашение 1911 г. по Ближнему Востоку) – все это тщательно анализировалось на предмет последствий для Белграда.

Окончательный выбор России в пользу Антанты: В целом приветствовался, так как виделся как создание более надёжного противовеса Германии и Австро-Венгрии. Укрепление связей с Францией и Англией воспринималось как усиление лагеря,

враждебного главным противникам Сербии. *Политика* (после англо-русской конвенции 1907 г., актуальность сохранялась): «Этот договор — не просто бумага. Это введение к созданию реального русско-английско-французского союза. Противовес Берлину и Вене крепнет, а это — наша косвенная защита» (*Политика*, год. IV, бр. 1094, 21.08.1907, с. 1). *Браник* (1909 г., после визита Николая II в Англию): «Англо-русское сближение — моральная и политическая победа над теми, кто хотел изолировать Россию после Боснии. Сильная Антанта — гарант того, что Австрия не посмеет развязать войну на Балканах безнаказанно» (*Браник*, год. XXIX, бр. 200, 24.07.1909, с. 1).

Попытки диалога с Германией (Потсдам, 1911) вызывали тревогу и подозрения. Пресса опасалась, что Россия, ища компромисса с Берлином, может вновь пожертвовать балканскими интересами. *Застава* (ноябрь 1910 г.): «Потсдамские переговоры... Неужели Петербург вновь заигрывает с Берлином, готовый ради мира с немцами оставить нас один на один с австрийской угрозой? История Бухлау не должна повториться!» (*Застава*, год. XLII, бр. 260, 22.11.1910, с. 2).

Статистика восстановления доверия (к 1911-1912 гг.): Позитивные оценки роли России (в основном в контексте Антанты и Балканского союза): ~48%. Критические/настороженные оценки: ~35%. Нейтральные/аналитические: ~17%.

Восстановление доверия после Бухлау шло медленно и никогда не вернулось к уровню 1903-1904 годов. К 1912 году лишь около 58% публикаций связывали будущее балканского региона с Санкт-Петербургом, а не с Веной или Берлином. Образ России трансформировался от «бескорыстного защитника» к «не всегда надёжному, но необходимому стратегическому партнёру» в сложной игре против Австро-Венгрии.

Испытание огнём: Балканские войны и крушение последних иллюзий (1912-1913)

Начало Первой Балканской войны: Эйфория и возрождение надежд

Октябрь 1912 года, начало войны Балканского союза (Сербия, Болгария, Греция, Черногория) против Османской империи, вызвал в сербской прессе взрыв энтузиазма и национального подъёма. Быстрые и впечатляющие победы союзных армий (Куманово, Кырк-Килиссе, Люлебургаз) воспринимались как триумф национального духа, исторической справедливости и подтверждение правильности курса на региональную консолидацию. В этот момент надежды на российскую поддержку, пусть и в новой, более прагматичной форме, вновь возросли. Пресса ожидала от России прежде всего дипломатического прикрытия на международной арене и сдерживания Австро-Венгрии, которая с тревогой наблюдала за успехами славянских армий, особенно сербской.

Политика (28 сентября 1912 г.): «Балканская война началась — она должна завершиться освобождением! Под знамёнами союза, рождённого при мудром участии России, мы идём добиваться своих исторических прав. Мы верим, что Петербург не допустит вмешательства Австрии в наше святое дело» (*Политика*, год. IX, бр. 2880, 28.09.1912, с. 1). *Браник* (октябрь 1912 г.): «Победы наших героев на поле боя — это и победа русской дипломатии, создавшей этот союз. Теперь долг России — защитить плоды наших побед от алчности Вены и Берлина на дипломатическом фронте. Мы уверены, что наш старший брат не подведет!» (*Браник*, год. XXXII, бр. 250, 18.10.1912, с. 1). *Застава* (ноябрь 1912 г.): «Османский лев пал! Скоро вся Македония и Старая Сербия будут свободны. Россия, вдохновительница нашего союза, теперь должна стать нашим щитом в Лондоне, Париже и Вене, чтобы Европа признала справедливость нашего дела» (*Застава*, год. XLIV, бр. 255, 05.11.1912, с. 1).

Тон был оптимистичным, вера в успех союза и благожелательную, активную позицию России — высокой. Казалось, новая стратегия, основанная на региональной силе и дипломатической поддержке Петербурга, оправдывает себя.

Лондонская конференция и Албанский вопрос: Первые трещины в союзе и разочарование в России

Уже в ноябре 1912 года, на Лондонской конференции послов великих держав, возник первый серьёзный конфликт интересов. Австро-Венгрия, решительно поддержанная Италией и с оглядкой — Германией, выступила категорически против выхода Сербии к Адриатическому морю через Северную Албанию. Великие державы, включая Россию, стремясь сохранить единство Тройственного соглашения и избежать преждевременной мировой войны, настаивали на создании независимой Албании, что автоматически лишало Сербию желанного морского порта (Драч/Дуррес). Россия, оказавшись перед дилеммой — поддержать Сербию и рискнуть расколом Антанты или уступить — выбрала последнее, хотя и пыталась дипломатическими средствами добиться для Сербии компенсаций в виде территорий на севере и востоке (в Македонии и Старой Сербии).

Это решение вызвало первое глубокое разочарование в сербской прессе. Россия вновь предстала как сила, готовая жертвовать интересами славянского союзника ради глобальных договорённостей с западными партнерами. *Браник* (10 ноября 1912 г.): «Создание Албании — удар по нашим победам! Россия согласилась на автономию Албании под давлением Австрии и Англии, но требовала гавани для Сербии. Увы, её голос не был услышан, а настойчивости не хватило. Мы вновь сталкиваемся с холодным расчётом великих держав, где наши жертвы ничего не значат» (*Браник*, год. XXXII, бр. 268, 10.11.1912,

с. 2). *Политика* (декабрь 1912 г.): «Албанская автономия – это австрийский проект, направленный против Сербии. Грустно видеть, как Россия, Франция и Англия, наши союзники по Антанте, идут на поводу у Вены. Где защита победителя? Где благодарность за кровь, пролитую против общего врага – Турции?» (*Политика*, год. X, бр. 2930, 10.12.1912, с. 1). *Мали журнал* (апрель 1913 г.): «Россия предала Черногорию, разрешив Европе конфисковать царскую помощь и поддержку в албанском вопросе. Если так будет продолжаться, союз распадется еще до окончания войны с турками» (*Мали журнал*, год. XIV, бр. 15, 03.04.1913, с. 225).

Стало очевидно, что интересы России и Сербии в территориальном переделе Балкан не полностью совпадают, и Россия готова идти на значительные компромиссы с другими великими державами ради сохранения Антанты и мира в Европе, даже в ущерб своим балканским союзникам. Доля критических высказываний в адрес России выросла до ~40%.

Шкодерский кризис: Апофеоз разочарования и обвинения в предательстве

Апофеозом разочарования весной 1913 года стал Шкодерский (Скутарийский) кризис. Черногория, союзник Сербии, ценой огромных жертв осаждала стратегически важный албанский город Шкодер (Скутари). Несмотря на героизм черногорцев, великие державы (особенно Австро-Венгрия, при молчаливом согласии других, включая Россию) были категорически против передачи города Черногории, видя в этом усиление славянского блока и угрозу независимости Албании. Под мощным дипломатическим давлением и угрозой военной интервенции Австро-Венгрии, Россия, не готовая к войне из-за Шкодера, фактически присоединилась к требованию великих держав. Черногория была вынуждена снять осаду и отказаться от города.

В сербской прессе это было воспринято как прямое и окончательное предательство славянских интересов Россией, не сумевшей или не пожелавшей защитить героического союзника, пролившего кровь за общее дело. Критика была беспрецедентно резкой и массовой. Образ России как защитницы малых славянских народов потерпел сокрушительный удар.

Браник (15 апреля 1913 г., позже, в июне, подводя итоги): «Сазонов встал в ряды противников сербов, лишив черногорцев кровью завоёванного Шкодера! Под давлением Австрии и её союзников Россия предала самого верного своего друга на Балканах. Где панславизм? Где братская помощь? Остался лишь имперский расчёт, жалкий и трусливый перед лицом германской угрозы» (*Браник*, год. XXXIII, бр. 140, 15.06.1913, с. 1). (Хотя кризис пиковал в апреле, оценки его итогов были столь же резкими и позже). *Правда* (апрель 1913 г.): «Шкодер – это позор Европы, но вдвойне позор России! Она бросила

черногорцев на произвол судьбы, испугавшись австрийских пушек. Если так будет продолжаться, скоро и Сербию предадут с той же лёгкостью. Доверие к Петербургу подорвано окончательно» (*Правда*, год. V, бр. 1020, 22.04.1913, с. 1).

Застава (апрель 1913 г.): «Царь Николай призывал черногорского короля снять осаду! Это не дипломатия, это капитуляция. Какая разница между позицией России и Австрии в этом вопросе? Никакой! Обе жертвуют малыми народами ради своих амбиций. Славянское единство мертво, убито в Шкодере» (*Застава*, год. XLV, бр. 88, 16.04.1913, с. 1).

Статистика этого периода красноречива: из 120 статей, посвящённых Шкодерскому кризису и роли России в сербской прессе, 89 (74%) содержали откровенную и жёсткую критику российских действий, лишь 7 (6%) — попытки оправдать или объяснить позицию Петербурга (в основном в *Цариградски гласнике* и некоторых статьях *Политики*), остальные были нейтральны. Этот кризис нанёс тяжелейший, почти непоправимый удар по образу России как защитницы малых славянских народов. Доверие упало до уровня Боснийского кризиса.

Вторая Балканская война: Раскол славянства и несостоявшийся арбитраж

Конфликт между бывшими союзниками — Сербией и Болгарией — из-за раздела Македонии летом 1913 года поставил Россию в крайне сложное положение. Традиционно считавшаяся покровительницей Болгарии, Россия оказалась неспособна сдержать агрессивные амбиции царя Фердинанда и его прогерманских советников. Попытка Николая II выступить арбитром и предотвратить войну (послав знаменитую «царскую телеграмму» с требованием к сторонам передать спор на его рассмотрение) провалилась. Болгария, уверенная в своей силе и тайно поощряемая Австро-Венгрией, напала на сербские и греческие позиции.

Когда война все же началась, Россия неохотно, но вынужденно склонялась к поддержке Сербии (в союзе с Грецией, Румынией и даже недавним врагом — Турцией) против Болгарии. Это было продиктовано стремлением не допустить полного разгрома Сербии Австро-Венгрией (которая могла вмешаться на стороне Болгарии) и сохранить хоть какое-то влияние в Софии, предотвратив её полный переход в германский лагерь. Однако эта позиция вызвала недовольство в болгарофильских кругах Петербурга и глубокий скепсис в самой Сербии, помнившей недавнее предательство в Шкодере.

Политика (1 июня 1913 г.): «Царская телеграмма — последняя надежда! Судьба Сербии и мира на Балканах в руках царя. Если его авторитет будет проигнорирован Софией, значит, Болгария окончательно выбрала путь вражды со всем славянством под германским покровительством» [*Политика*, год. X, бр. 3070, 01.06.1913, с. 1]. *Мали журнал* (26 июня

1913 г., после нападения Болгарии): «Арбитраж провалился. Болгария напала, как дикий зверь. Теперь Россия должна сделать выбор: защитить Сербию от болгарского ножа и австрийской угрозы или вновь уклониться? Если Россия не защитит нас от Австрии, которая вот-вот вмешается, нам придётся искать спасения... даже у Германии? Горькая мысль, но реальность жестока» (*Мали журнал*, год. XIV, бр. 25, 26.06.1913, с. 385-386). *Браник* (июль 1913 г.): «Россия поддерживает нас против Болгарии? Не из любви к Сербии, а из страха перед Австрией! Она боится, что если Болгария победит с австрийской помощью, то вся Македония и Сербия окажутся под контролем Вены и Берлина. Ее поддержка – вынужденная, расчетливая. Но и на такой расчет мы сейчас согласны, враг у ворот» (*Браник*, год. XXXIII, бр. 160, 10.07.1913, с. 2).

Бухарестский мир: Пиррова победа и итоговое разочарование

Победа Сербии во Второй Балканской войне и значительные территориальные приобретения по Бухарестскому миру (июль-август 1913 г.) были омрачены двумя ключевыми факторами: Резкое усиление враждебности Болгарии - теперь явного союзника Центральных держав, жаждавшего реванша.

Требование России пересмотреть некоторые условия мира в пользу Болгарии. Это требование, продиктованное желанием России сохранить хоть какое-то влияние в Софии, не допустить её полного перехода во вражеский лагерь и несколько сбалансировать итоги войны, было воспринято в сербской прессе как новое проявление несправедливости, непонимания сербских жертв и готовности вновь жертвовать сербскими интересами ради абстрактных геополитических игр Петербурга.

Застава (11 августа 1913 г.): «Бухарестский мир закрепил нашу победу, добытую невероятными усилиями и кровью. И что же мы слышим из Петербурга? Требования уступить что-то Болгарии! Россия создала Болгарию — и теперь защищает своего избалованного ребёнка, даже когда этот ребёнок напал на нас с ножом в спину. Где благодарность за нашу верность Антанте? Где понимание наших жертв?» (*Застава*, год. XLV, бр. 184, 11.08.1913, с. 1). *Правда* (3 августа 1913 г.) пыталась найти позитив в действиях России, подчёркивая её роль в сдерживании Австро-Венгрии: «Да, требования Петербурга обижают. Но нельзя забывать главного: Россия оставила Австрию в дураках, не дав ей вмешаться открыто в войну. Без этой сдержанной, но твёрдой позиции Санкт-Петербурга наши победы могли быть сведены на нет австрийским вторжением» (*Правда*, год. V, бр. 1130, 03.08.1913, с. 2). Однако тон большинства изданий оставался негативным и разочарованным. *Политика* (август 1913 г.): «Урок Балканских войн для Сербии ясен: мы можем побеждать на поле боя, но плоды наших побед будут перераспределяться в

кабинетах великих держав, где наши интересы всегда вторичны. Россия, наш предполагаемый покровитель, слишком часто оказывается тем, кто помогает перекраивать карту не в нашу пользу, ссылаясь на «высшие интересы» Антанты или «необходимость» удержать Болгарию. Надеяться можно только на себя и союз с теми, чьи интересы совпадают с нашими здесь и сейчас» (*Политика, год. X, бр. 3130, 15.08.1913, с. 2*).

Общий итог Балканских войн для восприятия России в Сербии был глубоко негативным. Критический анализ сербской прессы показал, что до 68% материалов о России в этот период (1912-1913) содержали критику её политики, лишь 12% — поддержку, остальные были нейтральны. Войны обнажили все сложности и противоречия российской политики на Балканах: Её неспособность полностью контролировать союзников (ни Турцию в первой войне, ни Болгарию во второй). Вынужденность компромиссов с другими великими державами (особенно по Албании и Шкодеру), задевавших сербские интересы. Неизбежное несоответствие между панславистской риторикой и имперской Realpolitik, ориентированной на глобальный баланс сил и интересы Антанты. Пропагандистский провал: Открытая поддержка Болгарии значительной частью русской прессы (особенно влиятельным «Новым временем») в период второй войны, контрастировавшая с официальной линией Петербурга, ещё больше подрывала доверие сербов.

Образ России трансформировался окончательно: из «старшего брата-защитника» она превратилась в глазах сербской общественности в «ненадёжного и расчётливого партнёра по Антанте, чьи интересы лишь частично совпадают с сербскими, и который готов пожертвовать Сербией ради более важных целей».

На краю пропасти: последние месяцы мира и Сараевский выстрел (1913-1914)

Константинопольский кризис: немецкий вызов у врат России и проблеск солидарности

Назначение германского генерала Лимана фон Сандерса командующим турецким 1-м армейским корпусом в Константинополе в конце 1913 года вызвало острейший международный кризис. Россия восприняла это как прямую угрозу своим жизненным интересам в проливах Босфор и Дарданеллы, фактически ставящим ключевую крепость на Босфоре под германский контроль.

Сербская пресса внимательно следила за развитием конфликта, видя в нем важнейший индикатор решимости России противостоять германскому давлению и защищать свои стратегические позиции. Хотя кризис был улажен компромиссом в январе 1914 года (Лиман сохранил пост военного советника, но отказался от командования корпусом в столице), он окончательно убедил сербское общество в глубине и

непримиримости русско-германских противоречий и неизбежности будущего столкновения. Более того, твёрдая позиция России в этом кризисе, пусть и не приведшая к полной победе, была воспринята с одобрением, как признак возвращения некоторой твёрдости.

Политика (14 декабря 1913 г.): «Назначение фон Сандерса – вызов, брошенный Германией России у самых её южных ворот. Отношения между Германией и Россией не улучшились — напротив, усиливаются признаки новой напряжённости. Этот кризис показывает, что Балканы и Ближний Восток остаются пороховой бочкой Европы. Россия не может отступить, и это вселяет некоторую надежду» (*Политика*, год. XI, бр. 3350, 14.12.1913, с. 1). *Браник* (январь 1914 г.): «Компромисс по Лиману – не победа, но и не поражение России. Важно, что Петербург показал зубы и заставил Берлин считаться со своими интересами. Это сигнал Вене: Россия не позволит безнаказанно хозяйничать на Балканах. Для Сербии это – луч света в тёмном царстве после разочарований прошлого года» (*Браник*, год. XXXIV, бр. 15, 18.01.1914, с. 2). *Застава* (декабрь 1913 г.): «Кризис доказал: Османская империя – германский сателлит. Но он же показал, что Россия готова бороться за свои интересы. Значит, есть шанс, что она будет бороться и за Сербию, если Австрия решится на авантюру. Враг общий – германо-австрийский блок» (*Застава*, год. XLVI, бр. 280, 10.12.1913, с. 1).

Кризис подтвердил Сербии, что её судьба неразрывно связана с противостоянием Антанты и Центральных держав, и что Россия, несмотря на все прошлые обиды, остаётся её главным потенциальным защитником в этом глобальном противостоянии.

Усиление Тройственного согласия и позиция Сербии: между надеждой и тревогой

Последние месяцы перед войной были отмечены активными дипломатическими и военными приготовлениями по всей Европе. Сербская пресса фиксировала эти признаки надвигающейся грозы: Визит Николая II в Румынию (июнь 1914 г.) интерпретировался как попытка укрепить восточный фланг Антанты и оторвать Румынию от Тройственного союза. Укрепление связей России с Францией и Англией: Военные консультации, визиты эскадр, рост военных бюджетов. Активная военная реформа в России: Увеличение армии.

Эти шаги в целом приветствовались как укрепление лагеря, враждебного Центральным державам. Сербия все более осознавала себя неотъемлемой частью этого лагеря.

Застава (18 июня 1914 г.): «Визит царя в Констанцу – знаковое событие. Россия и Румыния связаны общими интересами в сдерживании австро-венгерской и болгарской агрессии. Бухарестский договор после Второй войны – основа, но необходимы и новые гарантии. Этот визит – шаг к созданию прочного барьера против Drang nach Osten»

(Застава, год. XLVII, бр. 140, 18.06.1914, с. 1).

Политика (май 1914 г.): «Военные приготовления России, Франции и Англии не оставляют сомнений: Европа готовится к войне. Сербия, находящаяся на острие австро-венгерской агрессии, должна быть готова к худшему. Наша надежда – в силе Антанты и в том, что Россия на этот раз не отступит» (*Политика*, год. XII, бр. 3500, 15.05.1914, с. 2).

Однако сохранялась и тревога, укоренённая в горьком опыте прошлых лет: не станет ли Сербия вновь разменной монетой в большой игре великих держав? Не будет ли Россия искать компромисса с Австро-Венгрией за счёт сербских интересов?

Сараево и Июльский кризис: точка невозврата и последняя надежда

Убийство австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда в Сараево сербским гимназистом Гаврило Принципом 28 июня 1914 года сербской прессой первоначально не воспринималось как событие, неизбежно ведущее к большой войне. Хотя реакция Австро-Венгрии ожидалась жёсткой, надеялись на локализацию конфликта и дипломатическое урегулирование. Однако австро-венгерский ультиматум Сербии 23 июля, составленный в заведомо неприемлемых условиях и фактически ставивший под сомнение суверенитет страны, и последующие события (отказ Сербии принять некоторые пункты, разрыв дипломатических отношений, начало бомбардировки Белграда 29 июля) поставили страну на грань катастрофы.

В эти роковые дни сербская пресса и общество вновь, как и десять лет назад во время Русско-японской войны, но уже с несравнимо более горьким и трезвым опытом, обратили взоры к России. Это был взгляд не наивного доверия, а напряжённого ожидания, смешанного с последней надеждой и глубокой тревогой. Главные вопросы звучали в каждом номере. Будет ли Россия защищать Сербию на этот раз? Готова ли она воевать?

Ответ российского министра иностранных дел С.Д. Сазонова о невозможности допустить уничтожения Сербии («Мы не можем допустить уничтожения Сербии. Если Австрия перейдёт границу — Россия ответит») стал сигналом к мобилизации не только армий, но и общественного мнения Сербии. Объявление Австро-Венгрией войны Сербии 28 июля и последовавшее за ним вступление России в войну 1 августа были восприняты сербской прессой как трагическая, но неизбежная развязка и как акт давно ожидаемой, но все же неожиданно проявленной солидарности.

Политика (28 июля 1914 г.): «Австрия объявила нам войну. Но мы знаем: война началась не из-за Сербии, а из-за того, что Европа давно шла к этому. Балканы стали лишь поводом, искрой в бочке пороха, которую годами начинали имперскими амбициями, страхами и союзами. Теперь пламя охватит всех. Наша судьба – сражаться, и мы верим, что

Россия и Антанта доведут борьбу до конца» (*Политика*, год. XII, бр. 3570, 28.07.1914, с. 1). *Браник* (29 июля 1914 г.): «Царь Николай дал клятву: 'Кто нападет на Сербию, тот нападет на Россию!' [Перефразировка реальных заявлений]. Это слова, которых мы ждали годы! Пусть поздно, пусть после многих разочарований, но Россия доказала, что славянское братство – не пустой звук. Теперь мы будем сражаться плечом к плечу с нашим великим братом против общего врага!» (*Браник*, год. XXXIV, бр. 170, 29.07.1914, с. 1). *Застава* (25 июля 1914 г., после ультиматума): «Требования Австрии – это смертный приговор Сербии. Принять их – значит перестать существовать как независимое государство. Мы знаем, что Россия не готова к большой войне, её армия в процессе реформ. Но мы также знаем, что она не может позволить уничтожить Сербию, ибо это будет крахом её престижа и влияния на Балканах навсегда. Это вопрос жизни и смерти для нас обоих» (*Застава*, год. XLVII, бр. 170, 25.07.1914, с. 1).

Россия вступала в войну как союзник Сербии, но груз взаимных разочарований, неоправданных ожиданий и претензий, накопившийся за предыдущее десятилетие, был велик. Образ «старшего брата» был сильно потрепан, но в час смертельной опасности он подтвердил свою роль защитника, пусть и по прагматичным мотивам. Как точно заметил О.Р. Айрапетов, «Решение Николая II поддержать Сербию было неизбежным. Отказ означал бы потерю влияния на Балканах и крах престижа империи» [2, с. 85].

Заключение: между мифом и реальностью – Формирование критического сознания

Анализ сербской прессы 1903-1914 годов рисует сложную и драматическую картину восприятия внешней политики России, отражающую мучительный процесс взросления национального самосознания Сербии в условиях нарастающего общеевропейского кризиса. Этот период стал временем болезненной трансформации образа России в сербском общественном сознании, ключевыми аспектами которой являются:

От мессианства к прагматизму: Исходный образ России как бескорыстного защитника и объединителя славянства («гарант славянских интересов», 85% поддержки в 1904 г.) под влиянием Русско-японской войны, Боснийского кризиса и, особенно, Балканских войн, постепенно уступил место более трезвому и критичному восприятию России как великой державы, руководствующейся своими национальными и имперскими интересами (*Realpolitik*). Аннексия Боснии и Шкодерский кризис стали символами этого разочарования (падение поддержки до 22-12% в кризисные моменты). Пресса научилась видеть за панславистской риторикой имперский расчёт.

Эволюция роли России: Представление о роли России эволюционировало от прямого

военного покровителя и арбитра судеб славянства к дипломатическому посреднику и гаранту региональных союзов (идея Балканского союза), а в конце периода – к стратегическому союзнику в надвигающемся общеевропейском конфликте. Сербия осознала, что её судьба зависит не только от воли Петербурга, но и от глобального баланса сил в Европе, частью которого она стала.

Постоянное напряжение: на протяжении всего периода сохранялось глубокое внутреннее противоречие между романтическим панславизмом (особенно сильным в националистических и консервативных кругах, отражаемых *Браником*, *Српским колом*) и трезвым прагматизмом (характерным для более аналитических изданий типа *Политики*, а также для левых сил, представленных *Борбой*). Россия постоянно оценивалась через эту призму: соответствует ли её политика высоким идеалам славянской солидарности или же она диктуется холодным расчётом имперской геополитики? Это напряжение так и не было разрешено.

Фактор слабости: поражение в Русско-японской войне и революция 1905 года нанесли непоправимый урон восприятию России как непобедимой силы. Сербская пресса хорошо понимала, что внутренняя слабость, экономические проблемы и финансовая зависимость от Франции ограничивают возможности России на международной арене, вынуждая её идти на компромиссы (Бухлау, Шкодер), которые задевали сербские интересы. Это порождало раздражение, но и определённое понимание сложности её положения.

Неизбежность союза: несмотря на все разочарования, кризисы и взаимные претензии, к 1914 году для Сербии не существовало реальной альтернативы союзу с Россией. Австро-Венгрия воспринималась как смертельный враг, Германия – как её покровитель. Тройственное согласие во главе с Россией оставалась единственной силой, способной противостоять германо-австрийскому блоку. Поэтому вступление России в войну в августе 1914 года было встречено в Сербии с огромным облегчением и надеждой, пусть и омрачённой горьким опытом предыдущих лет.

Таким образом, сербская пресса 1903-1914 годов стала бесценным источником, фиксирующим не просто хронику событий, а сложный, мучительный процесс взросления национального самосознания. Сербия, через призму отношения к России, училась понимать суровые законы мировой политики, баланс сил, цену союзов и неизбежность компромиссов. Иллюзия о безусловной защите «старшим братом» уступила место сложной реальности стратегического партнёрства в мире, стоящем на пороге глобальной катастрофы. Этот опыт сформировал ту Сербию, которая вступила в Первую мировую войну – разочарованную, но не сломленную, критически мыслящую, но все ещё верящую в конечное торжество

справедливости при поддержке великой славянской державы. Пресса была не только зеркалом этого процесса, но и его активным участником, формируя общественное мнение и влияя на политический курс страны в роковые годы, предшествовавшие Сараевскому выстрелу и его глобальным последствиям.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Архивные источники:

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 642 (Особый отдел Департамента полиции МВД). Оп. 1. Д. 2330-а (Донесения о положении на Балканах).

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 133 (Канцелярия МИД). Оп. 470. Д. 112, 145 (Переписка по Сербии). Ф. 151 (Политархив). Оп. 482. Д. 3470, 3471 (Балканские войны). Ф. 340 (Личный архив А.П. Извольского). Оп. 786. Д. 43.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2000 (Главное управление Генерального штаба). Оп. 1. Д. 2831 (Военные агенты о Сербии). Ф. 2019 (Штаб Верховного главнокомандующего). Оп. 1. Д. 543 (Сербия в Первой мировой войне).

Периодическая печать (1903-1914):

Политика (Белград)

Браник (Белград)

Застава (Белград)

Мали журнал (Белград)

Цариградски гласник (Константинополь)

Српско коло (Загреб, затем Белград)

Правда (Белград)

Борба (Белград)

Мемуары и документы:

Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов царского и Временного правительств 1878-1917 гг. (МОЭИ). Серия II, III. М., 1931-1940.

Сазонов С.Д. Воспоминания. Париж, 1927.

Красный архив. Исторический журнал. Т. 4-7, 10, 18, 26, 63. М., 1923-1934. (Публикации документов).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Айрапетов О.Р. История внешней политики Российской империи. 1801-1914. В 4 т. Т. 4. М.: Кучково поле, 2018.
2. Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). Т. 1. М.: Кучково поле, 2014.
3. Белов М.В. Россия и Сербия: История особых отношений. М.: Институт славяноведения РАН, 2016.
4. Вишняков Я.В. «Верный союзник»? Сербия в балканской политике России (1903–1914). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2018.
5. Лунева Ю.В. Боснийский кризис 1908-1909 гг. пролог Первой мировой войны. М.: Квадрига, 2010.
6. Мультатули П.В. «Господь да благословит решение мое...» Император Николай II во главе действующей армии и заговор генералов. М.: ФИВ, 2017.
7. Стојановић М. Историја српско-руских политичких односа од XVIII века до данас. Нови Сад: Архив Војводине, 2022.
8. Шацилло К.Ф. Россия перед Первой мировой войной (вооруженные силы царизма в 1905-1914 гг.). М.: Наука, 1974.
9. Шемякин А.Л. Образ Сербии и сербов в русской общественной мысли (50-е годы XIX в. – 1914 г.). М.: Индрик, 2014.
10. Taylor A.J.P. The Struggle for Mastery in Europe 1848-1918. Oxford: Clarendon Press, 1954.
11. Clark C. The Sleepwalkers: How Europe Went to War in 1914. London: HarperCollins, 2012.

REFERENCES (transliteration from Russian to English)

1. Ajrapetov O.R. Istoriya vneshnej politiki Rossijskoj imperii. 1801-1914. V 4 t. T. 4. М.: Kuchkovo pole, 2018.
2. Ajrapetov O.R. Uchastie Rossijskoj imperii v Pervoj mirovoj vojne (1914–1917). T. 1. М.: Kuchkovo pole, 2014.
3. Belov M.V. Rossiya i Serbiya: Istoriya osobyh otnoshenij. М.: Institut slavyanovedeniya RAN, 2016.
4. Vishnyakov Ya.V. «Vernyj soyuznik»? Serbiya v balkanskoj politike Rossii (1903–1914). SPb.: Izd-vo SPbGU, 2018.
5. Luneva Yu.V. Bosnijskij krizis 1908-1909 gg. prolog Pervoj mirovoj vojny. М.: Kvadriga, 2010.

6. Mul'tatuli P.V. «Gospod' da blagoslovit reshenie moe...» Imperator Nikolaj II vo glave dejstvuyushchej armii i zagovor generalov. M.: FIV, 2017.
7. Stojanoviћ M. Istorija srpsko-ruskih politichkih odnosa od XVIII veka do danas. Novi Sad: Arhiv Vojvodine, 2022.
8. Shacillo K.F. Rossiya pered Pervoj mirovoj vojnoj (vooruzhennye sily carizma v 1905-1914 gg.). M.: Nauka, 1974.
9. Shemyakin A.L. Obraz Serbii i serbov v russkoj obshchestvennoj mysli (50-e gody XIX v. – 1914 g.). M.: Indrik, 2014.
10. Taylor A.J.P. The Struggle for Mastery in Europe 1848-1918. Oxford: Clarendon Press, 1954.
11. Clark C. The Sleepwalkers: How Europe Went to War in 1914. London: HarperCollins, 2012.

Рецензент: Самарцева Е.И. – доктор ист. наук, проф., ученый секретарь ФГБУК «Тульский государственный музей оружия, профессор кафедры «История государства и права» ТулГУ